

И. С. Тургенева : [Текст] / В.М. Маркович. – Изд-во Ленинградского ун-та, 1975. – 152 с.

6. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. / И. С. Тургенев. – М.;

Л. : Изд. АН СССР. – 1960–1968.

7. Цейтлин А. Г. Становление реализма в русской литературе / А. Г. Цейтлин. – М. : Наука, 1965. – 322 с.

УДК 821.161.1–3 Бунин.09

Н.П. Евстафьева, С.В. Ломакович

ЧЕЛОВЕК И ИСТОРИЯ В НОВЕЛЛЕ И. А. БУНИНА “ЧИСТЫЙ ПОНЕДЕЛЬНИК”
(к 80-летию присуждения Нобелевской премии)

Н.П. Евстаф'єва, С.В. Ломакович

ЛЮДИНА ТА ІСТОРІЯ В НОВЕЛІ І. О. БУНІНА “ЧИСТИЙ ПОНЕДІЛОК” (ДО 80-РІЧЧЯ ПРИСУДЖЕННЯ НОБЕЛІВСЬКОЇ ПРЕМІЇ).

Стаття містить аналіз історичного та метаісторичного аспектів концепції людини в одному з підсумкових творів Буніна. Стратегія формотворчості письменника співвіднесена з космізмом його художньої моделі світу. Виявлено семантичну полівалентність культурних символів Москви 1910-х років. Провідні авторські інтенції схарактеризовано як досвід осмислення “катастрофічної” свідомості, що підвладна одночасно поточній історії та тузі за джерелами сакрального.

Ключові слова: бунінський код, символічний сюжет, історія, космологія, екзистенційний вибір.

Н.П. Евстафьева, С.В. Ломакович

ЧЕЛОВЕК И ИСТОРИЯ В НОВЕЛЛЕ И. А. БУНИНА “ЧИСТЫЙ ПОНЕДЕЛЬНИК” (К 80-ЛЕТИЮ ПРИСУЖДЕНИЯ НОБЕЛЕВСКОЙ ПРЕМИИ).

Статья содержит анализ исторического и метаисторического аспектов концепции человека в одном из итоговых произведений Бунина. Стратегия формотворчества писателя соотнесена с космизмом его художественной модели мира. Выявлена семантическая поливалентность культурных символов Москвы 1910-х годов. Ведущие авторские интенции охарактеризованы как опыт осмысления “катастрофического” сознания, одновременно подверженного власти текущей истории и тоске по источникам сакрального.

Ключевые слова: бунинский код, символический сюжет, история, космология, экзистенциальный выбор.

N.P., Yevstafyeva S.V. Lomakovich

A HUMAN AND A HISTORY IN BUNIN'S NOVELETTE “CLEAN MONDAY” (THE 80th ANNIVERSARY OF THE AWARDING OF THE NOBEL PRIZE).

The article analyzes historical and meta-historical aspects of the concept of human in one of the final works of Bunin. The strategy of artform-creating correlated with cosmism of his artistic model of the world. Spotted semantic polyvalence of cultural symbols of Moscow of the 1910s. Lead author's intentions are described as the experience of thinking of “catastrophic” consciousness, at the same time exposed to the power of the current history and to anguish for the source of the sacred.

Keywords: Bunin's code, a symbolic plot, history, cosmology, existential choice.

“Чистый понедельник” – одно из самых замечательных и загадочных произведений Бунина. Хорошо известна оценка новеллы, сделанная им самим: “Благодарю бога, что он дал мне возможность написать “Чистый понедельник”” [1, с. 39]. Внеисторизм и внерационализм бунинской художественно-философской концепции, неприятие писателем современной цивилизации получили в “Чистом понедельнике” глубокое онтологическое обоснование.

Одна из наиболее содержательных интерпретаций новеллы Бунина принадлежит Л. Долгополову, который проанализировал историософское содержание “Чистого понедельника”. Непреложное художественное впечатление читателя исследователь связывает с расшифровкой символического смысла образа героини, соединившей в патриархальных глубинах национально-русского самосознания страстность и хаотичность Востока с классической ясностью, гармонией Запада. Л. -

Долгополов рассматривает концепцию “Чистого понедельника” как попытку поиска для России исторического пути, альтернативного революции [3].

Ю. Мальцев, автор первого целостного прочтения художественного наследия Бунина, оценил опыт Л. Долгополова как “остроумный, но малоубедительный” [4, с. 338]. Отрицая саму возможность прямой расшифровки символов у Бунина, Ю. Мальцев проводит аналогию между художественным методом Бунина и эстетикой Хайдеггера, у которых “...образ не открывает, а скрывает, он есть обнаружение тайны, он неисчерпаем и необъясним рационально, но постижим в своей целостности переживанием таинственного” [4, с. 338]. Переживание тайны, бесспорно, доминирует в содержании “Чистого понедельника” и отчасти объясняет стратегию формотворчества Бунина. Вместе с тем приведенная дискуссия свидетельствует о необходимости учитывать в ходе интерпретации новеллы оба возможных подхода, тем более что их сближает попытка дешифровки бунинских кодов, выводящих на символический сюжет “Чистого понедельника”.

Поэтика новеллы обнаруживает семантическую поливалентность культурных символов рубежа веков, проявленную в бунинской картине жизни Москвы 1912 – 1914 годов. Герои “Чистого понедельника” посещают Художественный театр и концерты Ф. Шаляпина, проводят вечера в известных столичных ресторанах “Прага”, “Метрополь”, “Эрмитаж”, обсуждают сочинения Л. Андреева, В. Брюсова, А. Белого. Пространственно-временная локализация достигается и упоминаниями архитектурных памятников столицы – храма Христа Спасителя, Новодевичьего монастыря, Зачатьевского монастыря, Марфо-Мариинской обители. Каждый из них – эмблема определенно-исторического времени и его культуры. Однако в многомерном смысловом целом “Чистого понедельника” время текущей истории, имея ярко очерченный облик, оказывается только верхним слоем почвы, укореняющей сознание человека.

Обыденное течение московской жизни 1910-х годов представлено в бунинской новелле фоном странного любовного романа его героев. Томящийся в ожидании близости с возлюбленной молодой человек проводит немало времени в квартире, которую снимает в центре Москвы его избранница – дочь богатого просвещенного купца. Их свидания происходят в нелепом интерьере занимаемых ею комнат. Турецкий диван, над которым “зачем-то висел портрет босого Толстого”, соседствует с дорогим немецким пианино. На нем героиня разучивает “медленное, сомнамбулически-прекрасное начало “Лунной сонаты” – одно только начало” [1, с. 238]. Приносимые героем вместе с коробками шоколада модные книги Гофмансталя и Пшибышевского она дочитывает до конца, но с

явным безразличием. Атмосфера культурного хаоса повседневной жизни настраивает на ироническое восприятие любовной коллизии. Однако неожиданно в повествование вводится новый мотив. Выясняется, что из окна квартиры героини открывается вид на Храм Христа Спасителя. Сакральный топос храма переводит восприятие места действия из конкретно-временного плана в надвременной и обнаруживает наличие авторских интенций, ставящих вопрос о соотношении исторического и метаисторического в создаваемом мирообразе.

Героиня новеллы, светская красавица и любительница модных нарядов, интригует героя одержимостью духовными и эстетическими идеалами средневековья. Яркое подтверждение тому – ее рассказ о посещении Рогожского кладбища. Похороны архиепископа доносят архаическую картину раскольничьей Допетровской Руси, явно вытесняющую из сознания девушки современные реалии. Герой ошибочно истолковывает открывшиеся ему потаенные глубины души возлюбленной как проявление религиозности. Не зная, чем объяснить свою ностальгию по средневековой старине, она все же решительно отвергает в себе религиозность. Неоднократно заявляя о намерении уйти в монастырь и совершая в конце концов этот поступок, героиня ни разу не связывает свои помыслы с любовью к Богу. Ее чувства адресованы мужчине, и она так же страстно, как все герои Бунина, ищет счастья в любви. Но отличает духовный опыт героини “Чистого понедельника” от переживаний и прозрений героев других новелл Бунина то, что близость с любимым человеком не приносит ей даже счастье мгновений.

Бунинская интуиция любви как чувства космического достигает своего предела в “Чистом понедельнике”. Героям этой новеллы, в отличие от персонажей “Солнечного удара”, “Иды”, “Гали Ганской” и других подобных произведений, не даруется единение с Мировым Целым силой вселенского закона озаряющей любовной страсти. Их возможный путь к источникам сакрального истолкован писателем по-новому – через преодоление необходимости жить во времени, принадлежать настоящему. Любовь в “Чистом понедельнике” утрачивает силу абсолюта, подчиняющегося человека космическим законам жизни.

Тайна любви подвергается сомнению в соприкосновении с рациональным сознанием. Духовная одномерность героя новеллы – следствие его профанирующего существования, подчиненного текущему моменту жизни. Он – адепт секулярной культуры, что подтверждают, например, его рассуждения об уходе в монастырь, как, приблизительно, о ссылке на Сахалин. Героиня наделена принципиально иным типом сознания. Более всего ему подходит определение “катастрофическое” – характеризующееся напряженным переживанием

противоположности “конечного и бесконечного, смертного и бессмертного, земли и неба” [2, с. 6]. В.Н. Топоров в работе “О космологических источниках раннеисторических описаний” показывает, как в подобном бунинском типе мирозерцания отразился поединок между историческими и космологическими принципами. Ввержение человека ранней истории в состояние вселенского одиночества следует из потери им связи со вселенским ритмом при еще не возникшей возможности найти опору в истории [5, с. 113]. Нечто похожее происходит и с героиней “Чистого понедельника”. Ее переживание космической аритмии также порождено отсутствием опоры в историческом бытии. Истощенная почва современной культуры представляется героине новеллы больше не способной давать жизнь гармоничным целостным формам. В современном облике мира, символизированном надгробьем на могиле А.П. Чехова, девушка видит только “противную смесь сусального русского стиля с художественным театром” [1, с. 244]. Ее раздражает пение “разудалого” Шаляпина и высокопарный стиль Брюсовского “Огненного ангела”. На противоположном полюсе духовного космоса бунинской героини средневековые летописи и сказания. Ее вдохновенное повествование о княжеской жене, не поддавшейся искушению змия, посланного дьяволом “в естестве человеческого зело прекрасном”, варьирует сюжет о Петре и Февронии, сложившийся как легенда в шестнадцатом столетии. Идеал счастья героиня “Чистого понедельника” последовательно связывает с комплексом средневекового человека, еще ощущающего в себе неразрывность исторического и метаисторического существования. Человек современной истории безвозвратно утратил способность ощущать себя причастным двум этим модусам бытия. Поэтому в бунинской новелле “песнь торжествующей любви” оказывается заглушенной скорбным боем часов на Спасской башне, доносящим гул минувших веков. Любовь современного

человека, потерявшего связь с исконными, сакральными ценностями, может быть истолкована как дьявольское искушение. Героиня символически именуется возлюбленного накануне единственной близости с ним не князем, а змеем. Финал новеллы читается в ключе окончательного утверждения необратимого разрыва исторического и метаисторического существований, повлекшего утрату сакральных источников жизни и культуры.

Предпринятая попытка еще одной интерпретации символического сюжета “Чистого понедельника” показывает следующее. Трагизм человека современной цивилизации Бунин связал с его одновременной подверженностью власти текущей истории и страстному исканию пути восстановления своего единства с Мировым Целым. Отказ героини от десакрализованных идеалов и ценностей эпохи, от любви без таинства возможно истолковать как экзистенциальный выбор, которым человек Бунина преодолевает свою пассивность в поиске Истины.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бунин И. А. Собрание сочинений: В 9 т. – Т. 7 / И. А. Бунин. – М.: Художественная литература, 1966. – 400 с.
2. Блюменкранц М. А. Введение в философию подмены (легенда в историко-философской перспективе) / М. А. Блюменкранц. – М.: “Весть”, 1994. – 88 с.
3. Долгополов Л. Рассказ “Чистый понедельник” в системе творчества И. Бунина эмигрантского периода // На рубеже веков: О русской литературе конца XIX – начала XX века / Л. Долгополов. – Л., 1985. – С. 319–343.
4. Мальцев Ю. Иван Бунин, 1870–1953 / Юрий Мальцев. – М.: Посев, 1994. – 432 с.
5. Топоров В. Н. О космологических источниках раннеисторических описаний / В. Н. Топоров // Учен. зап. Тарт. ун-та. – Вып. 308. Труды по знаковым системам. – VI. – Тарту, 1973. – С. 112–136.

УДК 812.161.1(092)

В. П. Казарин, М. А. Новикова

“НЕ БОЙСЯ; ПОДОЙДИ...”

(Установлена и документирована дата смерти Н. В. Недоброво)

В.П. Казарин, М.О. Новикова

“НЕ БІЙСЯ; ПІДІЙДИ...” (ВСТАНОВЛЕНА І ДОКУМЕНТОВАНА ДАТА СМЕРТІ М.В. НЕДОБРОВО).

У статті характеризується останній період життя близького друга А.А. Ахматової, поета, одного з перших критиків її творчості, М.В. Недоброво. На основі архівних записів і документальних свідчень уточнюється дата смерті та місце його поховання.

Ключові слова: період творчості, архівні записи, документальні свідчення.